

Самое сложное – собрать свидетелей

Один из самых заметных ведущих "Первого канала" —

Алексей ПИМАНОВ на телевидении с 1986 года. Первые несколько лет он работал видеоинженером и оператором. Затем в его карьере случился резкий поворот, и он оказался в Редакции общественно-политических программ ЦТ. В настоящее время является генеральным директором телекомпании "Останкино", ведет программы "Человек и закон", "Кремль, 9".

— Алексей Викторович, раньше программа "Человек и закон" была своеобразной юридической скорой помощью, помогавшей телезрителям разобраться в тонкостях нашего законодательства. Под вашим руководством программа пошла по совершенно другому пути, с чем это связано?

— Изменились время, ситуация, телевизионный рынок. Юридическая помощь в чистом виде может выходить, допустим, в три часа дня, когда какой-нибудь адвокат будет давать советы для бабушек и дедушек. Но в 22.40, как у нас, когда на других каналах идут хорошего качества сериалы и развлекательные программы, чтобы рейтинг был не 0,3, а 10, нужно ставить в эфир именно то, что мы делаем сейчас. То есть только жесткие журналистские расследования.

— Получается, что вы идете за рейтингом?

— Точнее, за временем. Конечно, мы не можем не думать о том, смотрят нас или нет.

— Иногда складывается впечатление, что главной целью вашей программы является именно погоня за рейтингом, причем достигается это любой ценой.

— Что вы имеете в виду?

— Например, не так давно прошел материал об убийстве Рохлина, где было заявлено, что, согласно вашим данным, Рохлин стоял во главе некоего заговора, который должен был осуществить переворот в нашей стране, поэтому генерала и убили. Понятно, что подобными сенсациями несложно привлечь к себе внимание, но откуда эти факты не подтверждены судом, прокуратурой и так далее, имеете ли вы моральное право их обнародовать?

— Имеем, потому что там мы не сохранили ни в одном слове. Я категорически не согласен с посылом, что имеем право сообщать только то, что прошло через суд и прокуратуру. Ювора так, вы убиваете расследовательскую журналистику! Все, что рассказано о деле Рохлина, — это правда, и поэтому мы имели право это выдать в эфир. Вообще главный критерий прохождения любого материала в эфир — его соответствие истине. И если мы в чем-то не правы или врем, то судите нас.

— Кстати, а в суд на вас когда-либо подавали?

— Да, и неоднократно, и только од-

нажды нам присудили смешотворный штраф — 130 рублей. И вот поверьте мне, если бы по делу Рохлина мы хоть в чем-нибудь солгали, нас бы давным-давно затаскали по всевозможным судебным инстанциям.

— Интересно, а почему же тогда это дело не пошло дальше — в прокуратуру, суд?

— Это вы меня спрашиваете? Это не моя функция кого-то судить и сажать в тюрьму. Мы проводим собственные журналистские расследования и информируем общество о полученных результатах.

— Очень часто в программе, кроме ваших собственных съемок, используются кадры, снятые спецслужбами, но если они вам их предоставляют, значит, заинтересованы в том, чтобы эти материалы прошли в эфире, не так ли?

— Естественно, у нашей программы есть связи в структурах, располагающих определенной информацией: прокуратуре, правительстве, Кремле, ФСБ, МВД и так далее. Но не они нам звонят и что-то предлагают, а, наоборот, мы их долбим звонками, сами выпрашиваем у них материалы, иногда держа их за горло, грозя Законом о средствах массовой информации. Но я не буду скрывать, что со многими из них у нас очень хорошие, наработанные годами отношения. А вот это восприятие спецслужб как врагов народа, которые думают только о том, как "слить" информацию, как задушить всех вокруг, сделать в стране переворот, а всех журналистов посадить в кутузку, я бы давно уже изъясил из обращения. Подобное восприятие принципиально устарело.

— А вы уверены, что вам никогда не "сливают" информацию?

— Не уверен. Но мы всегда ее проверяем, и за эти годы научились оценивать предоставляемые нам сведения. И когда понимаем, что какая-то структура пытается нам что-то "слить", то просто отказываемся использовать материал в программе.

— Вот прямо так ФСБ и отказываете?

— И не только ФСБ, бывает, прокуратуре, МВД, Администрации Президента. Что вы все на ФСБ зациклились?

— Но так или иначе сам собой возникает вопрос: насколько вы свободны в своих расследованиях?

— Лично я не ощущаю никакого

А. Пиманов

давления. У меня независимая компания, программу "Человек и закон" я могу выпускать как на "Первом", так и на "России", на других каналах. Если я узнаю, что в правительстве Касьянова кто-то берет деньги, поверьте мне, об этом расскажу, несмотря на то что канал, по-вашему, является проправительственным. Но если правительство предпринимает шаги, которые я поддерживаю, то почему бы не рассказать и об этом? Мне кажется, что время тупой оппозиционной журналистики давно прошло.

— Согласовывается ли содержание программы с К. Эрнстом или кем-либо еще из руководителей "Первого канала"?

— Мы предоставляем Эрнсту аннотацию, и когда у него возникают какие-то вопросы, он мне звонит и что-то выясняет. Но такое бывает не чаще чем раз в месяц. К счастью, мы не работаем по схеме: я начальник — ты дурак, а в атмосфере уважения друг друга и понимания, что мы оба разумные люди.

— С МВД, ФСБ и так далее программа согласовывается?

— Наша программа совершенно от них независима. В свое время была ситуация, когда мы почти три года не общались с МВД. Потому что на каком-то совещании в 1997 году кто-то из эмвэдэшной пресс-службы позволил себе сказать: "Да не волнуйтесь о 'Человеке и законе', я с ними договорюсь, это наша программа". Это было тогда, когда мы только начинали перестраивать программу. После этого мы и перестали общаться. За это они нам перекрыли источники информации, а мы продолжаем делать эмвэдэшные темы, причем пре-

дельно жестко. Ну и года через три они нам сказали: давайте дружить. С другой стороны, информационный рынок сейчас достаточно свободный, и если мы вдруг поссоримся с ФСБ, прокуратурой, МВД и так далее, я всегда найду возможность так или иначе раскрыть практически любую тему.

— Немало сенсаций содержит ваша программа "Кремль, 9". В последнем блоке вы рассказывали про Андропова.

— "Юрий Андропов — загадка века" — это одна из самых сложных частей сериала. Мы пытаемся разобраться, что же из себя представлял этот человек, которого кто-то считает суперреформатором, а кто-то — душителем диссидентов.

— А кем же его считаете вы?

— У нашей программы есть принцип — никогда никому не выставлять политических оценок. Мы пытаемся объективно рассматривать все имеющиеся исторические сведения. Но иногда происходит удивительная вещь: факты сами приводят нас к неожиданным выводам и оценкам. Беспристрастное их складывание по кирпичику дает интереснейшие результаты только потому, что ранее эти данные беспристрастно никем не рассматривались, ведь над ними довлела идеология: советская или антисоветская.

— К тому же Андропов вообще является человеком КГБ.

— А какая разница? Самым сложным оказалось собрать свидетелей. Люди, которые относятся к нему очень хорошо, боятся об этом вслух говорить, потому что за последние 12 лет они напуганы отрицанием всего советского, а те, кто к нему относят-

ся очень плохо, тоже сейчас не особо говорят, зная, что нынешний Президент — выходец из КГБ. Поэтому во всех беседах о нем мы старались задавать конкретные вопросы: "Когда вы познакомились с Андроповым? Что он вам сказал? А когда вы с ним поехали туда-то, как он себя вел?" — и так далее, а не заставлять людей давать политические оценки. Наверное, поэтому нам удалось собрать достаточно широкий круг свидетелей, среди которых — Вольский, Крючков, помощники Андропова и так далее. И это при том, что многие из этих людей, например тот же Крючков, интервью почти не дают.

— Вы являетесь президентом телекомпании, выпускающей 13 проектов, представляю, насколько вы загружены как продюсер. Плюс ко всему ведете выходящую раз в неделю программу "Человек и закон". Чем же она так дорога вам, или же тут дело в тщеславии, и для вас важно, чтобы ваше лицо как можно чаще мелькало на экране?

— Если бы мне это было важно, я бы делал для души "Кремль, 9" и все. Дело в том, что у успеха любой программы есть несколько составляющих: источники информации, команда журналистов, способных делать авторские работы, и раскрученный ведущий. А раскрутить ведущего, тем более в такой программе, как "Человек и закон", очень сложно. Сменить сейчас ведущего — это значит уронить программу года на два. А я не знаю, есть ли у меня два года для подготовки нового ведущего. Поэтому я являюсь заложником данной ситуации. Хотя, конечно, очень тяжело. Тщеславие мне несвойственно, говоря так, я не кривлю душой. Хорошо помню, с чего я начинал, и совершенно спокойно мог бы перейти в статус незфирного человека. У меня есть огромный интерес к профессии как таковой и совершенно нет стремления обязательно быть ведущим, чтобы узнавали на улицах. Меня это в основном раздражает. Хотя и забавные случаи, конечно, тоже бывают.

Как-то я подошел к газетному киоску, продавщица из своего окошка внимательно на меня посмотрела и произнесла: "Мне кажется, я вас откуда-то знаю". И на несколько секунд замолчала, на лице ее отражалась напряженная умственная работа, как вдруг она, залившись радостью, воскликнула: "Вспомнила! Мы же работали с вами на пивзаводе. Вы же заместитель начальника разливного цеха." Чтобы не разочаровывать пожилую женщину, я, еле сдерживаясь, ответил: "Точно".

Беседу вел
Александр СЛАВУЦКИЙ

Пиманов Алексей
(Беседа с журналистами про прор.
"Человек и закон" 28.07.04)

28.07.04